

эти виды верхней одежды носят молодые женщины в праздники и что эта одежда имеет главным образом обрядовое значение. Девушки их не носят (стр. 58). Стоит упомянуть, что главная часть орнамента нашивается на них сзади, от пояса к подолу, в виде продолговатых полос, расположенных на бедрах.

Мы уже встречались в южнорусской поневе и в болгарской задней престилке с поясными украшениями, превратившимися в вышивку (см. фото 26 в и г, «окрели» стр. 45); невольно возникает предположение, что вышитые на бедрах верхней одежды полосы — тоже рудимент когда-то носимых на этих местах поясных украшений. Разумеется, это требует дальнейших исследований, как и замечание М. Велевой, что этот вид одежды носят только замужние женщины. А какую верхнюю одежду носили девушки? Различение головного убора девушки и замужней женщины соблюдалось в болгарском костюме так же строго, как в восточнославянском и имело ту же цель: закрыть волосы замужней женщины, так как открытые ее волосы якобы «опасны». Закрывание волос женщины — способ обезопасить от нее окружающих и показать ее подчиненное положение в роду мужа⁹. Различие в головном уборе символизировало семейное положение носительницы и долго сохранялось.

Различия в крое и украшении одежды не так устойчивы, но рудименты их мы наблюдаем у восточных славян: в бывших Тамбовской и Воронежской губерниях девушки носили глухой сарафан, а замужние женщины — поневу и короткую наплечную одежду. М. Велева пишет о верхней одежде болгарок, которую носят только замужние женщины. Не являлся ли и у них когда-то сукман, очень напоминающий русский глухой сарафан, тоже девичьей одеждой?

Быть может, этим объясняется совместное бытование сукмана и задней престилки: забыто разделение на женскую и девичью одежду, сохранилась только память о бытовании разных типов одежды.

Все эти вопросы требуют дальнейших исследований. Важность книги М. Велевой в том, что приведенный и подытоженный ею в сравнительном плане материал позволяет яснее поставить вопросы: как шел процесс изменения одежды? Какова связь между славянскими элементами в одежде и их аналогами у народов Поволжья и Кавказа? Очень сложные пути формирования различных национальностей Восточной Европы из многих компонентов нашли свое отражение в одежде. Анализ одежды поможет в изучении этногенеза и в исследовании процессов социального творчества.

⁹ Н. И. Гаген-Торн, Указ. раб., гл. «Магия волос и головные уборы».

Н. Гаген-Торн.

НАРОДЫ АФРИКИ

Marian Małowist. *Wielkie państwa Sudanu Zachodniego w późnym średniowieczu*. Warszawa, 1964, 461 стр.

За последние несколько лет заметно возросло число исследований, посвященных средневековой истории Западной Африки. Среди них достойное место занимают работы польских ученых, в частности, Т. Левицкого. Книга Мариана Маловиста «Великие государства Западного Судана в позднем средневековье» продолжает это направление в польской исторической науке.

Как видно из текста книги, она представляет собой часть задуманного автором более широкого исследования ранней колониальной экспансии европейцев в Африке¹. М. Маловист следующим образом формулирует поставленную перед собой задачу: «...целью настоящего труда является изучение влияния ранней европейской экспансии на народы Западной Африки в XV и XVI вв.» (стр. 55). Несколько забегаю вперед, следовало бы, однако, заметить, что содержание книги оказалось гораздо шире намеченного: перед нами, в сущности, исследование состояния, в котором находились западносуданские общества к началу колониальной экспансии и в ранний ее период. Думается, что такого рода несоответствие можно только приветствовать.

Работа М. Маловиста состоит из введения (стр. 5—55), четырех глав, рассматривающих соответственно политическую и религиозную жизнь Мали (стр. 56—132), общественную и хозяйственную структуру этого государства (стр. 133—202), состояние западносуданских ремесла и торговли в XV и XVI вв. (стр. 203—345), социально-экономические и политические изменения, связанные с возникновением и развитием сонгайской державы в XV—XVI вв. (стр. 346—428; в эту главу включены также краткие справки о государствах Моси и Сенегамбии) и заключения (стр. 429—435). Книга снабжена указателем и списком основной литературы.

¹ Этой теме посвящена была и статья М. Маловиста «O społecznych aspektach wczesnej ekspansji kolonialnej», «Przegląd Historyczny», 1963, No. 1.

Во введении дан беглый анализ истории изучения проблемы и состояния имевшихся в распоряжении автора источников. Заслуживает внимания указание на необходимость большой осторожности при использовании материалов, добытых современными исследователями, для объяснения тех или иных сторон средневековой истории обществ Западной Африки (стр. 51). Интересна и попытка проследить зарождение в сочинениях европейских путешественников того, что автор называет «начатками расизма», хотя сам он отмечает, что у португальцев эти взгляды развивались сравнительно медленно, да и появились не сразу (стр. 26). К вопросу об отражении в источниках и исторических исследованиях расовых предрассудков в той или иной форме ему приходится неоднократно возвращаться и в последующих разделах книги (например, стр. 142—143). В частности, М. Маловист справедливо указывает, что некоторые западные ученые переоценивают роль антагонизма между белыми и черными жителями Западного Судана (стр. 66). Не менее справедливо и замечание, что, если признать характерной чертой некоторых западных исследований преувеличение роли арабо-берберов в общественном развитии Судана, то «легче понять некоторые националистические преувеличения, проявляющиеся сейчас в зарождающейся африканской науке» (стр. 156—157).

Основная часть книги по существу представляет собой исследование проблемы становления и укрепления раннефеодальных государств в Западном Судане. К этой проблеме уже подходили некоторые ученые, в частности Ш. Монтей и Д. А. Ольдерогге². Но книга М. Маловиста — первый опыт ее разрешения на основе подробного анализа почти всего комплекса сведений об экономике западносуданских обществ XIV—XVI вв., известного современной исторической науке. Полезно будет рассмотреть, как освещены в работе польского ученого отдельные аспекты этой проблемы.

Автор показывает, что основой хозяйственной жизни Западного Судана в описываемое время служило сельское хозяйство, в первую очередь — земледелие и скотоводство, а в районах, непосредственно прилегающих к Нигеру, — рыболовство; меньшую роль играла охота (стр. 342). Сельское хозяйство, в общем, обеспечивало нормальное развитие общества; однако это не значит, что его технический уровень был высок. Напротив, справедливо указывается на то, что господствующей системой земледелия, во всяком случае в Мали, была подсечно-огневая. При этом М. Маловист правильно подчеркивает, что подсека в свою очередь обуславливала консервацию такой архаической формы общественной организации, как родовая община и ее большую устойчивость. В то же время районы рисосеяния отличались более высокой техникой земледелия (стр. 140). Вместе с тем, не вполне понятно, почему автор приписывает Ж. Сюрэ-Каналу утверждение, будто основным сельскохозяйственным орудием до начала XX в. была деревянная мотыга (стр. 139). Ведь в том месте своего труда, на которое ссылается М. Маловист, французский исследователь говорит как раз о мотыге с железной рабочей частью, в крайнем случае — с железной оковкой рабочей части³.

В XIV—XV вв. ремесленное производство в Западном Судане в основном уже отделилось от земледелия, и существовал довольно оживленный обмен, происходивший в рамках развитой сети местных рынков (стр. 207). Однако в целом в развитии суданской деревни отсутствовал динамизм. Причины этого автор усматривает в низком уровне потребностей населения, обусловленном мягкими климатическими условиями; в несоответствии между низкой плотностью населения и огромными земельными площадями, что не вызывало нужды в интенсификации хозяйства и способствовало сохранению архаичных форм общественной организации; наконец, в отсутствии давления со стороны правящего класса, в руках которого скапливались большие массы золота и рабов на продажу и который поэтому не нуждался в интенсификации хозяйства основной массы земледельческого населения (стр. 343—344).

Здесь мы подходим к одному из важнейших вопросов хозяйственной истории средневековой Западной Африки — торговле золотом. Общеизвестно, что в средние века Судан был главным поставщиком золота в Европу и Северную Африку. Как подчеркивает М. Маловист, его значение еще более возросло в XIV и XV вв. в связи с острым дефицитом ценных металлов в Европе того времени (стр. 53, 291). Характерно, что внутри Западного Судана золото практически не применялось как средство обмена и служило лишь статьей торговли с Северной Африкой, а позднее — и с португальскими факториями на Атлантическом побережье (стр. 293—294). Вместе с тем вывоз золота обеспечивал снабжение населения Судана таким необходимым продуктом, как соль. В связи с этим автор выдвигает интересное предположение о том, что в более ранний период в торговле земледельческих районов со степью преобладал обмен соли и продуктов скотоводства на продукцию земледелия и, может быть, на суданское железо (стр. 255). В то же время М. Маловист справедливо предостерегает как от преувеличения роли, которую играли в торговле средневекового Судана золото и рабы, так и от ее недооценки (стр. 290). Он подчеркивает, что ввоз соли в Западный Судан был

² Ch. Monteil, *Les empires du Mali. Etude d'histoire et de sociologie soudanaise* BSEHS de l'A. O. F., XII, 1929; Д. А. Ольдерогге, *Западный Судан в XV—XIX вв.*, М.—Л., 1960.

³ J. Suret-Canale, *Afrique Noire Occidentale et Centrale. Géographie, civilisations, histoire*, Paris, 1961, стр. 70.

неразрывно связан с вывозом оттуда золота и рабов; автору этих строк в свое время также случилось обратить внимание на эту связь⁴.

М. Маловист показывает, как вокруг торговли золотом сложились две сильные группы купечества, каждая из которых практически держала в руках монополию на торговые операции в пределах половины великого торгового пути из Северной Африки в районы золотодобычи. При этом южный отрезок этого пути (от Дженне на юг) удерживали купцы-вангара, т. е. мандеязычные африканцы (стр. 327). Высокие доходы купцов арабо-берберского происхождения основаны были вовсе не на «наивности» населения Судана, а на сравнительной дешевизне золота и рабов на рынках долины Нигера (стр. 330). Богатства крупного купечества и его ограниченная численность способствовали развитию крупных кредитных операций. Автор высказывает даже мнение о возможном существовании в Западном Судане «некоторых элементов хорошо известной в средневековой Европе и на Ближнем Востоке системы коммандитных товариществ» (стр. 328).

Торговля золотом, несомненно, ускоряла консолидацию правящего класса суданских государств. Но в целом М. Маловист обоснованно оценивает роль западносуданского золота в экономике этого района как скорее отрицательную, поскольку наличие в руках господствующих общественных групп больших масс золота, позволявших приобретать все необходимые товары в Северной и Северо-Восточной Африке, делало эти группы незаинтересованными в интенсификации хозяйства на месте. Это и послужило впоследствии одной из причин экономического и культурного застоя (стр. 63, 344). Правда, на первых порах это же обстоятельство облегчало положение основной части земледельческого населения Мали (стр. 154).

Всестороннему рассмотрению подвергнут в книге вопрос о рабстве и работорговле в средневековом Западном Судане. Автор отмечает широкое распространение рабства и то, что рабы использовались и как рабочая сила внутри самих суданских государств, и как один из основных предметов экспорта. Справедливо критикуя точку зрения Сюрэ-Канала об исключительно патриархальном характере рабства в Судане (стр. 180), он одновременно выступает и против мнения Р. Мони о размерах вывоза рабов в Северную Африку, обвиняя Мони в стремлении преувеличить вину арабо-берберов в работорговле (стр. 180, 307). Следует, однако, признать, что критика взглядов Мони не выглядит убедительной, тем более, что собственная точка зрения М. Маловиста оказывается несколько противоречивой. Так, он справедливо возражает против тезиса о защитной роли, которую якобы играли для народов тропической лесной полосы государства Мали и Сонгай, показывая, что для этих народов суданские государства сами были серьезной угрозой (стр. 64—65). Заслуживает внимания соображение, что севернее полосы лесов использование раба в качестве вьючной силы объяснялось прежде всего тем, что раб стоил дешевле вьючного скота и получить его было проще (стр. 189—190). Неоднократно подчеркивается давний и массовый характер вывоза рабов в Северную Африку (стр. 290, 306, 321—322, 432). Верно отмечено, что широкое развитие работорговли в большой мере стимулировалось существованием рабства в Судане и Сенегамбии; притом европейская работорговля имела дело преимущественно с мелкими владельцами прибрежных районов континента, тогда как Мали и Сонгай поставляли живой товар в Магриб и в Египет (стр. 324). Кроме того, до середины XVI в. европейцев интересовало главным образом золото, к работорговле же они до того времени проявляли весьма ограниченный интерес (стр. 42—43). И даже начало регулярной закупки рабов португальцами не повело во второй половине XV в. к уменьшению числа рабов, вывозимых в Северную Африку, несмотря на глубокий экономический упадок последней (стр. 322). В этих условиях опровергнуть осторожную, возможно, даже заниженную цифру в 20 тыс. вывозимых невольников в год, предложенную Мони, могли бы только новые убедительные данные; но таких данных Маловист не приводит.

Довольно значительное внимание уделено в книге и другим статьям торговли стран Западного Судана. Анализируя характер и состояние торговли текстильными товарами, М. Маловист убедительно показывает, что, например, в Мали ввозились только ткани высших сортов — тонкие хлопчатобумажные, шелковые и льняные — из Северной Африки и Европы. Количественно этот импорт был невелик, а в ценностном выражении — очень дорог, и оказывался доступен лишь наиболее состоятельным группам населения (стр. 266, 268, 270—271). К этому можно было бы добавить, что анализ качественного состава текстильного импорта в Мали снимает кажущееся противоречие между достаточно широко известными данными о вывозе западноафриканских тканей в средневековую Европу и фактами ввоза в Судан тканей и изделий из них. Застой в техническом уровне африканского ремесла, отмечаемый автором в сонгайскую эпоху (стр. 413), вне всякого сомнения, наступил раньше и вызывался в конечном счете теми же причинами, что и исключительно медленный темп развития сельского хозяйства в Западном Судане (о чем шла речь выше). И качество ремесленной продукции Западного Судана не могло соперничать с качеством товаров, ввозившихся из Северной Африки, Египта или Европы.

⁴ Л. Е. Кузбелев, Из истории Древнего Мали, «Труды Ин-та этнографии», нов. серия, т. XXVI, «Африканский этнографический сборник», V, М.—Л., 1963, стр. 85.

Вместе с тем автор справедливо отмечает, что экономическое отставание Западного Судана от своих более развитых северных соседей вовсе не дает права говорить о совершенно примитивном характере его хозяйства. Хотя и с запозданием, но в Судане все же складывались многие элементы хозяйственного развития, существовавшие в то время в Магрибе, в Египте или в большинстве стран Западной Европы (стр. 329).

Вопрос о структуре общества в мандингском и сонгайском государствах и о характере производственных отношений в них М. Маловист рассматривает с точки зрения единства процесса мирового исторического развития. Он подчеркивает неоднократно, что многие явления, с которыми историк сталкивается в Западном Судане, отнюдь не являются исключительной особенностью этого района. В частности, к таким явлениям относятся сочетание в рамках одного общества большой патриархальной семьи, рабовладельческих и феодальных элементов в хозяйстве и социальных отношениях (стр. 96) и сходство в положении ремесленников, особенно кузнецов, в Западном Судане — с одной стороны, и на западнославянских землях и в Германии — с другой (стр. 148). В целом автор оценивает малийское общество XIV—XV вв. как раннефеодальное, с большим, однако, удельным весом рабовладельческих отношений (стр. 202). Все же следует сказать, что деление малийского и сонгайского обществ на три основные группы — разного рода аристократию, рядовых свободных и рабов (стр. 150) — несколько схематично и может быть принято только как самое общее и приближенное. И сам польский ученый вольно или невольно показывает его условный характер, включая в категорию рабов многочисленных (и количественно, и по числу категорий) зависимых неполноправных членов общества. При этом, видимо, справедливо, что при переходе гегемонии от мандингов к сонгаям некоторая часть свободного населения оказалась попавшей в зависимое состояние; менее вероятно, хотя теоретически и не исключена, возможность обратного явления (стр. 166—167).

Особый интерес представляет рассмотрение изменений, произошедших в социально-экономических условиях Западного Судана в пору сложения и расцвета великого сонгайского государства (вторая половина XV—XVI вв.). Держава сонни Али сложилась в период, когда могущество Мали давно уже было в прошлом. Сравнительная легкость, с которой сонни Али достиг своих блестящих военных и политических успехов, объяснялась тем, что он имел дело с разрозненными и слабыми противниками. В то же время М. Маловист обращает внимание на очень важное условие его успехов: стремление крупного купечества добиться нового объединения долины Верхнего и Среднего Нигера под единой политической властью (стр. 357—358). К этому совершенно справедливому замечанию можно прибавить, что когда такое новое объединение совершилось и возникло новое могущественное государство, то его политический центр оказался резко сдвинут на северо-восток от прежнего центра Мали и в общем совпал с торгово-ремесленным центром всего Западного Судана — районом Гао-Тимбукту-Дженне.

Автор отмечает, что для сонгаев Мали послужило образцом государственной организации (стр. 390). Вместе с тем в ее структуре произошли и известные изменения. Самым важным из них было создание большого числа государственных имений с использованием в них труда рабов и зависимых. М. Маловист считает это началом сложения крупной земельной собственности (стр. 397, 431—432). Может быть, правильнее было бы говорить об ускорении этого процесса, так как подобные поселения создавались еще в Мали. Тенденция к усилению эксплуатации сельского хозяйства возникла в связи с падением доходов правителей и знати от золотой торговли из-за переключения части последней в сторону португальских факторий на побережье Гвинейского залива (стр. 378, 383). Этими же причинами вызывалось и значительное усиление охоты за рабами на границах государства.

В сонгайской державе, как и в раннефеодальных государствах Европы, шел двусторонний процесс: с одной стороны, широко применялся труд рабов, а также различных категорий зависимых, с другой — резко ухудшалось положение свободного крестьянства, которое довольно быстро закрепощалось. Правда, процесс этот замедлялся существованием больших патриархальных семей (стр. 412). И все же характерной чертой сонгайской эпохи было быстрое возрастание числа зависимых лиц. Видимо, М. Маловист прав, отмечая сходство между сервильными поселениями Западного Судана и такими же поселками в ранних славянских государствах: и там, и тут они возникали в условиях, когда государство и аристократия стремились укрепить экономическую основу своего могущества, но еще не могли заставить массу свободного населения отбывать барщину или платить резко увеличенные повинности (стр. 434). Кроме того, положение сервильных групп при сонгаях заметно отличалось от их положения в Мали (стр. 409) — мы можем определенно сказать, что быстро повышалась норма их эксплуатации.

На основании материалов, привлеченных М. Маловистом при рассмотрении социально-экономической структуры Мали и Сонгай, можно, мне кажется, высказать некоторые общие соображения относительно хода исторического развития западноафриканских обществ в средние века. Не исключено, что три великие «империи» Западного Судана — Гана, Мали и Сонгай — представляли разные этапы развития производительных сил и соответствующей им структуры общества. В самом деле, насколько мы мо-

жем судить по крайне скудным источникам, Гана была почти исключительно торговой надстройкой над родовым обществом, лишь совсем немного затронутым имущественной дифференциацией. Мали, возникшее на Верхнем Нигере, где существовали гораздо более благоприятные условия для развития хозяйства, прежде всего — земледелия, обладало гораздо более высокой и сильной экономической базой, чем Гана. Оно знаменует собой период ускоренного разложения родового общества и становление общества классового; однако главную роль продолжал играть труд свободных членов общин — *diugu*. Наконец, Сонгай характеризуется ясно выраженным усилением крепостнических форм эксплуатации зависимого населения в связи с возрастающим значением зернового хозяйства, основой которого была уже не подсечно-огневая система, а поливное рисосеяние в долине Нигера, бывшее в условиях Западного Судана самой прогрессивной формой земледелия. И хотя продолжали существовать большие патриархальные семьи, но в целом сонгайское общество было намного сильнее расслоено в социальном отношении, чем мандингское (отчасти этому способствовало меньшее развитие у сонгаев клановой организации), и обнаруживает гораздо более высокий уровень феодализации.

М. Маловист совершенно прав, когда считает сохранение родовой структуры общества и связанных с нею верований главной причиной слабого распространения ислама в средневековом Западном Судане (стр. 109). В то же время едва ли стоит преувеличивать значение ислама, как средства консолидации раннефеодальных государств (стр. 19—20, 115): для правящей верхушки этих государств гораздо большее значение имели благоприятные внешнеполитические перспективы, которые ей открывало принятие ислама, а возможно, и то, что новая религия с ее правовыми нормами могла способствовать установлению более высокой нормы эксплуатации зависимого населения и свободных соплеменников.

Не умаляя общей высокой оценки книги М. Маловиста, хотелось бы все же отметить, что исследование много выиграло бы, если бы автор использовал уже упоминавшуюся работу Ш. Монтея «*Les empires du Mali*». Это — одно из главных исследований по истории средневекового Западного Судана, и при его использовании можно было бы избежать неточностей в датировке, например, правления Мусы I (стр. 71) или присоединения Гао к малийским владениям (стр. 76, 91, 359). Этот упрек можно отнести и к неиспользованию издания второй части записки Валентина Фернандиша⁵, а также некоторых работ А. Лабурэ и Р. Мони.

В целом, однако, книга М. Маловиста заслуживает весьма положительной оценки и, без сомнения, привлечет к себе благожелательное внимание специалистов.

Л. Куббель

⁵ Th. Monod, A. Teixeira da Mota, R. Mauny, *Description de la Côte Occidentale d'Afrique (Sénégal, Cap de Monte, Archipels) par Valentim Fernandes (1506—1510)*, Bissau, 1951.